

ЕЖЖ

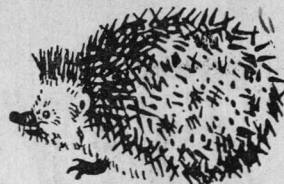
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

№8
1928

28
107



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО



СОДЕРЖАНИЕ

ВАНЬКА И ПУСЬКА. Рассказ <i>М. Пришвина</i> , рис. <i>З. Левина</i> . . .	1
ЛЕВ ТОЛСТОЙ	4
ОСЕНЬ. Рис. <i>А. Пахомова</i>	9
КАК ИВАШКА БОЛОТНИКОВ В ПЛЕНУ ЖИЛ. Рассказ <i>Г. Шторма</i> , рис. <i>Т. Глебовой</i>	10
ЭМУ. Рассказ <i>Лесника</i> , рис. <i>Э. Криммера</i>	17
САМ. <i>К. Высоковского</i>	19
В УГОЛКЕ ПРИРОДЫ. Рис. <i>Л. Гольденберга</i>	20
ЦЕППЕЛИН № 127. <i>М. Ильина</i>	21
ПИОНЕРЫ ШВЕДСКИЕ И ПИОНЕРЫ СОВЕТСКИЕ. <i>Н. З.</i> <i>Рис. В. Гринберга</i>	22
НАШ СБОР	24
СДЕЛАЙ АВТОМОБИЛЬ! Самоделка. <i>Н. Я.</i>	26
ХРАБРЕЦЫ. Стихи <i>К. Чуковского</i> , рис. <i>В. Замирайло</i>	27
17 ЛОШАДЕЙ. <i>Д. Хармса</i> . ТЫ ЧИТАЛ КНИЖКУ?	28
ПИСЬМА РЕБЯТ.	

На I странице обложки рисунок *М. Штерн*,
на IV странице „Приключения Ежа“,
текст *Д. Хармса*, рис. *К. Рудакова*.

При этом номере „Ежа“ подписчикам рассылается приложение
„Новый город“ лист второй.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА „ЁЖ“:

Без приложений:	С приложениями:
На 1 год — 3 р. 60 к.	На 1 год — 5 р.
„ 6 м. — 2 „ —	„ 6 м. — 2 „ 75 к.
„ 3 м. — 1 „ —	„ 3 м. — 1 „ 40 „

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Ленинград. Пр. 25 Октября. Ленотгиз. Москва. Рождественка, 4. Гл. Контора подп. и пер. изд.
Во все провинциальные отделения и магазины ГИЗа, почтово-телеграфные конторы, киоски
и контрагентства печати.



Бывало в голодное время Тарасовна каждый день в Исполкоме чего-нибудь добывается для своего козьего хозяйства. А козы стоят на площади у дверей в Исполком и дожидаются, козел от скуки прыгает. Соберутся мужики вокруг козла, дивятся, как он здорово прыгает, и, бывает, скажут ему:

— Женить бы тебя, дурака!

Народу в Исполкоме тьма, Тарасовне беспокожно: мало ли что может с козами случиться недоброе. Вот она высмотрит, когда комиссар выйдет за чем-нибудь в коридор, и с ордером к нему:

— Кормилец, подпиши, козы меня ждут, беда с ними.

С ордером Тарасовна идет обыкновенно в кооператив железно-дорожников, Копжель, и козы идут за ней. Потом идет на вокзал за газетой. И козы тоже за ней. Идет по линии. Будочник сначала ругался, потом привык и прозвал Тарасовну Козьей Маткой. По всему городу стали звать Тарасовну Козьей Маткой.

На днях пришли мы с женой к этой Козьей Матке в день ее рождения пирог есть и чай пить.

— Милая, — сказала Тарасовна моей жене, — заводите себе коз, до чего же они умны! Подумайте только, в голодное время понимали: взять у людей нечего и в лес. Ночью пасутся, а утром являются сытые.

— И не боялись волков? — спросила жена.

— Какие тут волки, да покажись тогда волки, мы бы сами их съели. Заводите, милая, коз.

— Нет, Авдотья Тарасовна, нам нельзя, у нас охотничье хозяйство: семь собак на дворе.

— И-и... да вы, я вижу, вовсе не знаете козью природу: козы с собаками первыми друзьями живут.



Козья Матка принялась нам рассказывать о своем козле Ваньке.
— Почему Ванькой назвали? — спросил я.

— Назвали сначала по сказке Иваном Царевичем, а потом пошло Ванька да Ванька.

После того Тарасовна принялась нам рассказывать о дружбе Ваньки с Пуськой, ее дворовой собакой.

Было это в одно воскресенье. Верхние жильцы Тарасовны по воскресеньям ходили обедать к знакомым. Пуська тоже непременно с ними увязывался. Пообедают в гостях Пуська и на улицу. А когда жильцы пообедают и домой идут, Пуська находит их и возвращается вместе. В этот раз, конечно, Пуська не пропустил случая пообедать в гостях и вышел с жильцами на улицу. Стали переходить линию, оглянулись, а за Пуськой и Ванька идет. Жильцы принялись на него ругаться: „Пошел ты домой, такой-сякой, немазанный!“ Козел уперся и стоит, хоть бы что! Стали в него кидаться. А он взял и пошел себе не домой, а вдоль линии.

„Ну, — подумали жильцы, — побродит и вернется“.

И пошли.

Скоро Тарасовна хватилась, туда, сюда забегала, — нигде нет козла.

И пошла искать его вдоль линии.

Будочник видел, сказал:

— Ванька пошел на вокзал.

Тарасовна спешит на вокзал. Там газетчик сказал:

— Ванька в Копжель пошел.



В Копжеле:

— Ванька был, на площадь пошел.

На площади:

— Видели, стоит возле Ильича.

Мужики возле памятника Ленину хором сказали:

— Пошел в Исполком.

Так долго бегала Тарасовна, не нашла и в большом горе, усталая, вернулась домой. И только она к дому подходит, жильцы из

гостей возвращаются и с ними, конечно, Пуська. Жильцам Тарасовна о своем горе, и они ей, что Ванька за ними увязался, что они в него стали швыряться.

— Да зачем же вам было швыряться! — вскричала Тарасовна, — что же, лень было вам взять козла за бороду и домой проводить?

Так слово за слово и начались неприятности. А пока жильцы и хозяйка препирались, Пуська все обнюхал на дворе, в сарае, даже в подвал спустился, — нигде нет козла, — и незаметно под шумок на улицу, и по линии, и на вокзал, и в Копжель, и в Исполком, и дальше...

— Хотите жить у меня, — закричала в гнев Тарасовна, — закрывайте за собой калитку, а нет...

И хотела крикнуть:

— Вон убирайтесь!

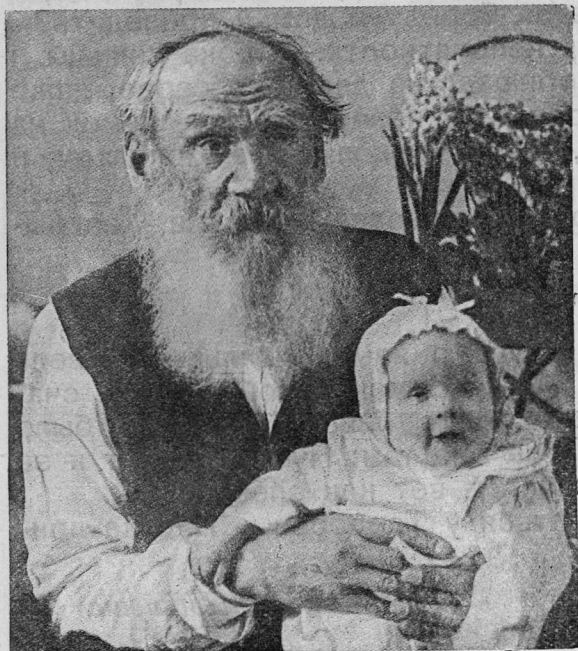
Сорвись только эти обидные слова с языка, жильцы бы ведь тоже за себя постояли, началась бы непременно война. Но к счастью, когда слова собирались сорваться, лицо Тарасовны было обращено в сторону линии, и увидела она там: Пуська бежит и за Пуськой Ванька, и вот как быстро бегут, вот как спешат!

Обидное слово не успело вырваться у Тарасовны. Пуська привел козла и всех помирил.

Михаил Пришвин.



ЛЕВ ТОЛСТОЙ



Толстой со своей внучкой Таней.

Нет на земле грамотного человека, который не слышал бы о писателе Льве Николаевиче Толстом.

Сочинения Толстого переведены на сорок два языка. В Ясную Поляну, где Толстой прожил почти всю свою жизнь, стекались люди со всех концов света. Приходили пешком крестьяне из дальних и близких деревень, приезжали американцы, индусы, немцы, японцы, англичане.

Когда умер Толстой, газеты всего мира были переполнены статьями и воспоминаниями о нем. Тысячи людей провожали его гроб до могилы.

Родился Лев Николаевич сто лет тому назад 28 августа 1828 года. Скончался 20 ноября

1910 года — восьмидесяти двух лет от роду.

Про его долгую жизнь и про его работу можно рассказать только в большой книге. А здесь мы расскажем всего лишь несколько случаев из его детства. Случаи эти записаны им самим.

СЕМЬЯ.

Детей нас было пятеро: Николай, Сергей, Дмитрий, я, меньшой, и меньшая сестра Машенька...

Матери своей я совершенно не помню. Мне было 1½ года, когда она скончалась...

Все, что я знал о ней — все прекрасно, и я думаю не оттого только, что все говорившие мне про мою мать старались говорить о ней только хорошее, но потому, что действительно в ней было очень много этого хорошего...

Жизнь отца проходила в занятиях хозяйством...¹

Помню его веселые шутки и рассказы за обедом и ужином, как и бабушка и тетушка, и мы, дети, смеялись, слушая его. Но более всего я помню его в связи с псовой охотой...

¹ Отец Льва Николаевича был помещиком, владельцем имения „Ясная Поляна“ в Тульской губернии.

ОХОТА НА ВОЛКА

Помню особенно ясно садку волка. Это было около самого дома. Мы все пешком вышли смотреть. На телеге вывезли большого соструненного, со связанными ногами, серого волка. Он лежал смиренно и только косился на подходивших к нему. Приехав на место засады, волка вынули, прижали вилами к земле и развязали ноги. Он стал реваться и дергаться, злобно грызя струнку. Наконец развязали на затылке и струнку, и кто-то крикнул: „Пущай!“ Вилы подняли, волк поднялся, постоял секунд десять, но на него крикнули и пустили собак. Волк, собаки, конные, верховые полетели вниз по полю, и волк ушел. Помню, отец что-то выговаривал и, сердито махая руками, возвращался домой.



Лев Толстой ведет школьников купаться.

НАКАЗАНИЕ

Мы, дети, с учителем возвращались с прогулки и подле гумна встретили толстого управляющего, Андрея Ильина, и шедшего за ним, с поразившим нас печальным видом, помощника кучера кривого Кузьму, человека женатого и уже немолодого. Кто-то из нас спросил Андрея Ильина, куда он идет, а он спокойно отвечал, что идет на гумно, где надо Кузьму наказать.¹ Не могу описать ужасного чувства, которое произвели на меня эти слова и вид доброго и унылого Кузьмы. Вечером я рассказал это тетушке Татьяне Александровне, воспитавшей нас и ненавидевшей телесные наказания, никогда не допускавшей их для нас, а также для крепостных, там, где она могла иметь влияние. Она очень возмутилась тем, что я рассказал ей, и с упрёком сказала: „Как же вы не остановили его?“ Ее слова еще больше огорчили меня... Я никак не думал, чтобы мы могли вмешиваться в такое дело, а между тем, оказывалось, что мы могли. Но уже было поздно, и ужасное дело было совершено.

¹ Это было время крепостного права. Крестьянин считался собственностью помещика. Провинившегося крестьянина по приказу помещика часто „наказывали“ — били розгами.

ДУНЕЧКА

Кроме братьев и сестры, с пятилетнего возраста с нами росла ровесница мне, Дунечка Темяшева...

...Дунечка жила у нас и была милая, простая, спокойная, но неумная девочка и большая плакса. Помню, как меня, обученного уже французской грамоте, заставили учить ее буквы. Сначала у нас дело шло хорошо (мне и ей было по пяти лет), но потом, вероятно, она устала и перестала называть правильно ту букву, которую я ей показывал. Я настаивал. Она заплакала. Я тоже. И когда к нам пришли, мы ничего не могли выговорить от отчаянных слез. Другое помню о ней, что, когда оказалась похищенной одна слива с тарелки и не могли найти виновного, Федор Иванович¹ с серьезным видом, не глядя на нас, сказал, что съел — это ничего, а если косточку проглотил, то может умереть. Дунечка не вытерпела этого страха и сказала, что косточку она выплюнула. Еще помню ее отчаянные слезы, когда они с братом Митенькой затеяли игру, состоящую в том, чтобы плевать друг другу в рот маленькую медную цепочку, и она так сильно плюнула, а Митенька так широко раскрыл рот, что проглотил цепочку. Она плакала безутешно, пока не приехал доктор и не успокоил всех...

НИКОЛЕНЬКА

Старший брат Николенька был на 6 лет старше меня. Ему было стало быть лет 10 — 11, когда мне было четыре или пять... Мы в первой молодости, не знаю как это случилось, говорили ему „вы“.

Он был удивительный мальчик, а потом удивительный человек. ...Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории... без остановки целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка...

Когда он не рассказывал и не читал (он читал очень много), он рисовал чортиков.



Толстой с внуком Ильей.

¹ Учитель Толстых.



Толстой с крестьянскими детьми.

МУРАВЕЙНЫЕ БРАТЬЯ

...Когда нам с братьями было мне 5, Митеньке 6, Сереже 7 лет, он (Николенька) объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезни, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями...

...И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке...

Но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были

бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа.¹

ФАНФАРОНОВА ГОРА.

Кроме этой палочки, была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую, он говорил, может ввести нас, если только мы исполним все положенные для того условия. Условия были, во-первых: стать в угол и не думать о белом медведе. Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе.

Второе условие: пройти, не оступившись, по щелке между половицами, и третье, легкое: в продолжение года не видеть зайца, все равно живого или мертвого или жареного. Потом надо поклясться никому не открывать этих тайн.

Тот, кто исполнит эти условия и еще другие, более трудные, которые он откроет после, того одно желание, какое бы то ни было, будет исполнено. Мы должны были сказать наши желания. Сережа пожелал уметь лепить лошадей и кур из воска, Митенька пожелал уметь рисовать всякие вещи, как живописец, в большом виде. Я же ничего не мог придумать, кроме того, чтобы уметь рисовать в малом виде.

Все это, как это бывает у детей, очень скоро забылось, и никто не вошел на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, с которой Николенька посвящал нас в эти тайны, и наши уважение и трепет перед теми удивительными вещами, которые нам открывались...

...Николенька придумал все эти истории и сам радовался им и морочил ими нас.

Толстой написал много книг. Когда-нибудь и вы их прочтете.

Вы узнаете и о жизни Толстого, о том, как в свои последние годы он жил и работал в имении „Ясная Поляна“, учил крестьянских ребят и пытался вести трудовую жизнь — пахать, шить сапоги, столлярничать.

Он и других призывал жить просто и в труде. Он верил, что если все люди согласятся между собой так жить, то мирно и без всякой борьбы все станут счастливыми „муравейными братьями“.

Только это неверно.

До тех пор, пока одни владеют заводами, а другие на этих заводах надрываются на работе, пока капиталисты наживаются на труде рабочих, — все люди счастливыми не будут.

Не мирно, а в тяжелой борьбе за лучшую жизнь придут рабочие и бедняки к счастью. И когда они победят во всем мире, как у нас победили в Октябре, — все люди будут равны и счастливы.

¹ На этом самом месте в Ясной Поляне у старого Заказа и похоронен Лев Толстой.



О С Е Н Ь

Рис. А. Пахомова.

КАК ИВАШКА БОЛОТНИКОВ В ПЛЕНУ ЖИЛ

I

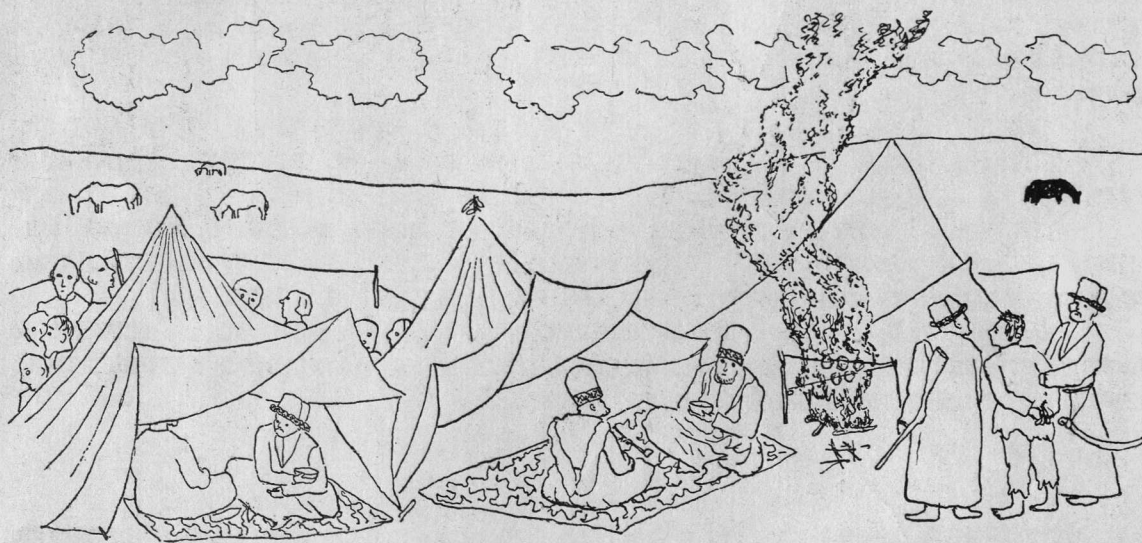
У синего Хвалынского моря, в глухих астраханских камышах попал Ивашка в плен. Повели его татары от берега в степь, к своему стану.

Впереди всех — старик; бритый лоб, что таз медный сверкает. Ржут вдали кони. Шумит камыш, к земле клонится, будто говорит Ивашке: „Прощай! Прощай!“

Вот и степь.

Богаты шатры турецкие, пестры ковры сорочинские. Поджав ноги, сидят татары, пьют кумыс, мясо жарят.

„Эге, — думает Ивашка, — придется мне малость в плену пожить“.



От шатра к шатру на кольях веревки натянуты, а за ними русские, греки, поляки, старые и малые, — невольники да невольницы — все татарский полон.

Смекнул Ивашка: и ему в том загоне быть со всеми. Дал ему старый татарин тумака, закричал своим громко:

— Малà-малà урус! Пленник наш!

Огляделся Ивашка: никто на него не смотрит; кругом невольники, всяк своею бедою занят. Лишь один, молодой, засмеялся, кивнул головою: не тужи, мол, — на людях и смерть красна!

Подошел к нему Ивашка:
— Здорово!

Не по-русски, словно птица щебечет, говорит невольник. Тут сказали Ивашке:

— Итальянец он, вот кто, тебе его не понять!

А Ивашка в ответ:

— Красно солнце светом, а дружба приветом! Будем мы с итальянцем товарищи. Ладно!

Хлоп! — ударил молодого невольника по плечу Ивашка да и растянулся рядышком с ним на траве-мураве.



II

О ту пору встретились два купца на гостинном дворе московском. Горят кругом васильковые да темномаковые сукна, цветные одеяла, да опушенные бобром кафтаны. Выхваляют продавцы товар, хватают покупателей за полы. Стоят посреди толчеи купцы, бороды поглаживают, покашливают, не спеша, степенно промеж собой речь ведут:

— Далеко ли ехать изволишь? — один у другого спрашивает.

— В город Азов, — с товарами разными. А ты куда держишь путь?

— Меня, — отвечает купец, — посылает царь в Венецию за мастерами да художниками, чтобы ехали они к нам в Москву, царю Борису мастерством своим послужить.

Потолковали купцы, да и разошлись: один направо, другой — прямешенько; пошел один к Москве-реке, сел на судно с товарами; отчалило судно, поехал купец в Азов...

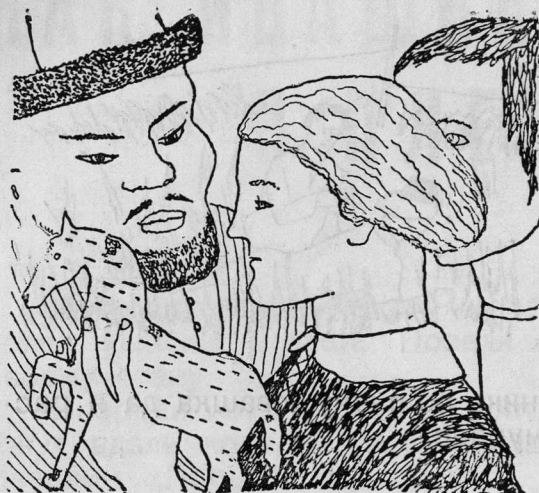
III

Чуть заря занялась, зашумел в степи стан татарский. Свернули шатры, в кучу согнали скот, повели к Астрахани пленников. Идет дорога через степь да затон, а в камышах кусливой мошкеры — видимо-невидимо.

Шел Ивашка рука об руку с молодым невольником. Ткнул себя пальцем в грудь, сказал: „Ивашка — я“. Кивнул невольник, дескать, понял и молвил: „Франческо“. Обрадовался Ивашка, смеется. Со всем весело стало, хоть и труден путь.

В полдень сделали татары привал. Раздобыл Франческо обломок раковины и ну вырезать ею из бересты коня. Подошли татары, смотрят, головами качают, языками щелкают. Ну и мастер Франческо! Такого коня сделал — вот-вот поскачет, совсем как живой...

Подошли к Астрахани. Опять раскинулся стан по берегу Волги. Две недели татары водили в город невольников, многих продали.



А Ивашку с Франческо покусали комары, им с того лихорадка прикинулась. Не водили их в город, в степи оставили: никто ведь хворых не купит, — пускай спят...

IV

Долго ехал купец торговым путем из Москвы-реки в Оку, из Оки в Волгу. Прибыл в Астрахань, одни товары продал, другие купил и дальше — в Азов.

Двинулись и татары с пленниками, гоня перед собой скот, ставя

на привалах шатры, держа путь к речке Камышенке.

Перебрался купец с Волги на Дон.

Перебрались на Дон и татары.

Приехал купец в Азов.

Приехали татары в Азов.

Перед устьем моря на желтых рассыпных песках стоит турецкий город со стеною белокаменной, башнями караульными и рвами глубокими. Увидали пленные город Азов — стали друг с другом прощаться:

— Недолго уж нам вместе быть. Купят нас турки, за море увезут...

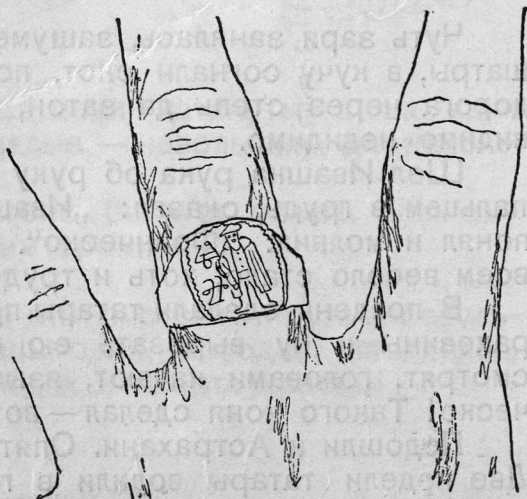
Совсем разболелся Ивашка, едва ногами мог двигать; желтый, худой на земле лежал. А Франческо окреп; за Ивашкой ходил, как за братом, вырезал из дерева забавные штуки, как умел, товарища утешал.

Сделал из янтарной смолы перстень да так искусно: на одной стороне две буквицы, на другой человечик, — совсем как Франческо, только с бородой, и одной руки у человечка нет.

— Вот, — сказал он, — возьми это от меня на память.

Грустно стало обоим. Засопел Ивашка, отвернулся. Тут захлопали бичами татары. Повели пленных на торг.

Сошлись на рынке разных земель купцы: тут и турки, и персы, и приезжий купец московский.



Подошел он к Франческо, стал приглядываться, а старый татарин такую с ним речь повел:

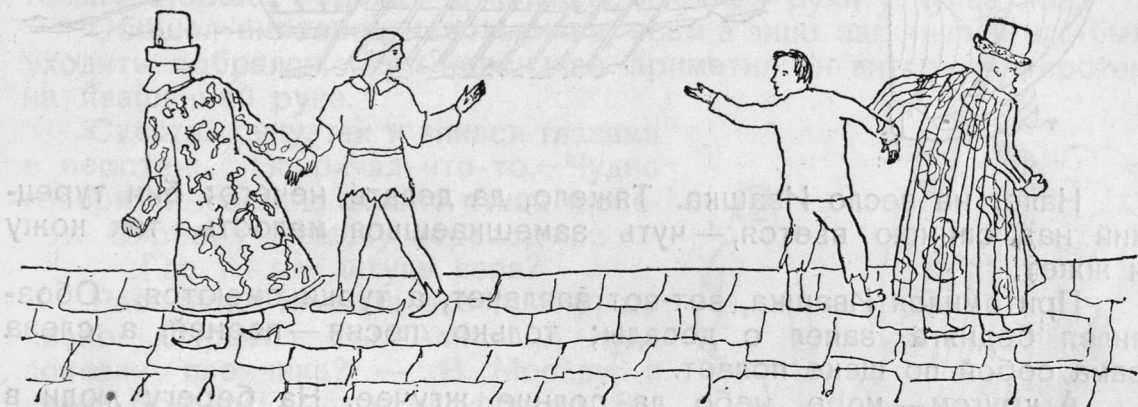
— Покупай, — говорит, — пленника, большой он мастер на штуки разные. Хороший Франческо резчик, много-много за него денег давай!

„А верно, — подумал купец, — таких-то людей царю и надобно, привезу-ка его в Москву, — в самый раз царю ужо“.

Увидел Ивашка: разлучают его с товарищем, — взмолился:

— Возьми и меня в Москву. Уж пусть меня там бьют-дерут, не хочу жить пленником!

— Э, да ты, должно, беглый холоп! — сказал купец. — Вашего



брата и без тебя на Москве хватит. Да и хворый ты. Помирай в плену. Не куплю.

— Ах, ты, полтора брюха да свинья в придачу! — разъярился Ивашка и швырнул горсть песку — засыпал купцу глаза бесстыжие. Побили Ивашку. Увели Франческо. Только крикнули друг другу!

— Прощай!

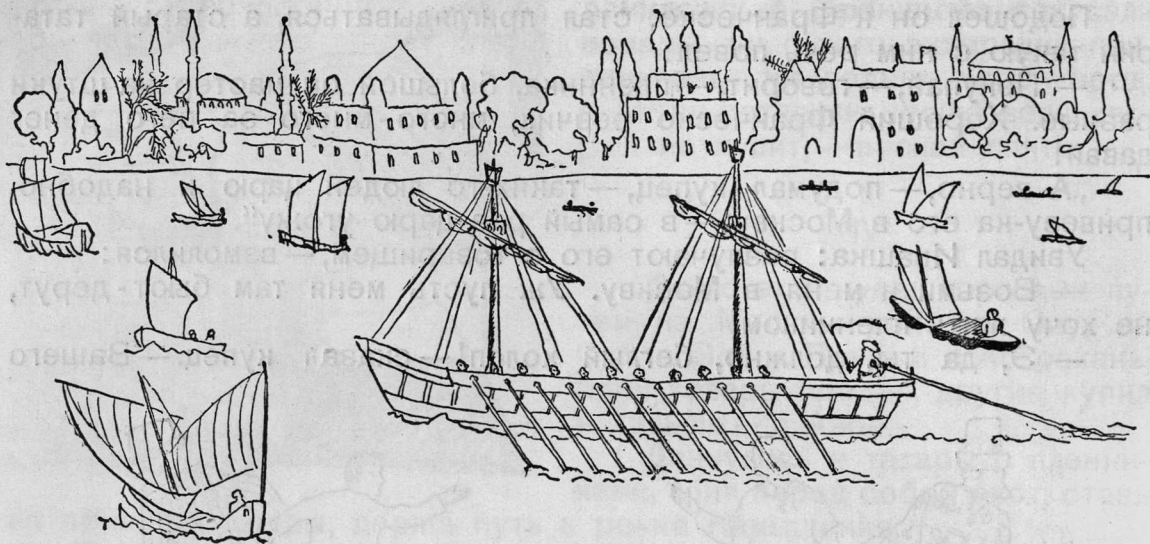
— Прощай!

V

А Ивашку турки купили. Вместе с другими невольниками повели его на галеру — турецкое судно. Поплыла галера из Азовского моря в Черное. Обдуло Ивашку ветром морским, пригрело солнышком, — сразу выздоровел. А на пятые сутки проснулся: стоит судно; позади — море бескрайное, впереди — холмы, сады, стены, башни — город Царьград.

Услыхал Ивашка: залив, где стала галера, Золотым Рогом зовется. По одну его сторону — Стамбул, по другую — Пера. Большой город, на много частей делится. Стоят дома над водой, брызги волн залетают в окна. Торчат минареты — башни, что тополь, тонкие. А на храмах — мечетях — всюду полумесяц горит.

Сошли на берег невольники, отвели их в жилище темное, грязное. В полдень сковали всех цепью, посадили на галеру за весла. Взмахнули турки бичами и подали знак: „Гребите!“



Налег на весло Ивашка. Тяжело, да делать нечего: бич турецкий над спиною вьется, — чуть замешкаешься малость, так кожу и жжет.

Притомился Ивашка, вот-вот заплачет, а турки смеются. Обозлился бедняга, запел с досады; только песня — песней, а слеза сама собой по щеке ползет.

А кругом — море, небо да солнце жгучее. На берегу люди в белых чалмах похаживают. Блестят золоченые кровли. Снуют по воде быстрые лодки — каики...

Так-то начал Ивашка на галерах гребцом работать.

Не взлюбили его турки. — Как ударит кто Ивашку, — он не медля же даст сдачи. Надел хозяин на ноги ему колодки тяжелые. А звали хозяина галеры Мус-Мух...

VI

Два года прошло. Вырос, славным гребцом стал Ивашка. Работал на берегах Золотого Рога, дважды в Грецию ездил: возил оттуда Мус-Мух губку, мыло, гранатовую корку, орех.

Все больше томился Ивашка, думал-гадал, как бы бежать из неволи тяжелой. Вспоминал Москву, Волгу Франческо, часто-часто на янтарный свой перстень глядел.

Обучился турецкому языку, многое повидал, над многим поразмыслил Ивашка.

Приметил он как-то на берегу важного начальника — пашу. Подошел паша к мяснику торговцу и сказал: „Повешу я тебя, — в твоей лавке весы неверные“. Дал ему тотчас торговец денег и молвил: „Господин паша, не гневайся, в лавке моей правильный вес“. — „Нет, неправильный“, — сказал паша. Дал торговец ему еще денег. — „Ну, теперь весы верные“, — сказал паша. Поклонился ему торговец в ноги: „Да продлит твои дни Аллах!“

Засмеялся Ивашка, подумал: „А ведь наши бояре точь-в-точь на пашу похожи. И, должно, всюду так: теснят сильные люди простой народ, нигде ему воли нет“...

В знойный июльский день работал с невольниками на берегу Ивашка. Грузил на галеру пеньку да кожу. Сгибались люди под тяжелою ношей. Свистели в воздухе бичи.

Прибежал вдруг старик по имени Еми-Али, переводчик. А следом за ним пришел хозяин Мус-Мух да еще иноземец-купец.

Глянул на него Ивашка—диву дался: ну совсем—Франческо, только старше, борода—в кольцах, и одной руки у купца нет.

Обошел иноземец невольников, всем в лицо заглянул и уж было уходить собрался. Тут невзначай заметил он янтарный перстень на ивашкиной руке.

Схватил руку, так и впился глазами в перстень. Закричал что-то. Чудно говорит иноземец, словно птица щебечет. Спросил Ивашку переводчик:

— Где ты эту штуку взял?

Рассказал Ивашка все про Франческо. Спросил Еми-Али: „А куда повезли пленника?“ — „В Москву, к царю Борису“, — ответил Ивашка. Заплакал иноземец и опять что-то сказал.

Спросил Еми-Али:

— Чего ты всего более желаешь?

Тряхнул головой Ивашка и засмеялся:

— Кроме воли—не надо мне ничего.

Подошел иноземец к Мус-Муху. Зазвенело золото. Отсыпал купец хозяину целый кошель денег. Взял Ивашку за руку, ведет. Невдомек Ивашке: зачем, куда?



VII

Идет Ивашка, смотрит во все глаза. Первый раз по улицам Стамбула шагает.

Грызутся всюду собаки. Сидят у ворот седобородые писцы. Чинно проходят сонные турки; заткнуты у всех за поясами длинные чубуки.

Купил иноземец Ивашке нарядный камзол и красные шаровары; прошли они Оружейным базаром. Увидел Ивашка: разрубали на лету купцы пуховые подушки кривыми саблями. Сверкали на солнце покрытые надписями дамасские клинки.

Пришли в кофейню. Прибежал туда и Еми-Али, переводчик. Подали всем троим по чашечке черного кофе. Бьет посреди кофейни фонтан. Лежат на диванах турки, курят и пьют; молчат.

Невдомек Ивашке, почему отпустил его Мус-Мух? Спросил переводчика: „Что за диво?“ Стал рассказывать ему Еми-Али, — раскрыл Ивашка рот.

— Был у иноземца сын, — сказал старик, — два года уж, как пропал он без вести. Поехал он из Венеции в Стамбул и, должно быть, к разбойникам-корсарам в плен попал. Искал его отец по всем невольничьим рынкам и сегодня лишь благодаря тебе нашел он след сына. Погляди-ка на перстень свой, — не признаешь ли в человечке купца?

Глянул Ивашка на палец — разом все понял. — Не простую фигурку друг его сделал — вырезан на перстне франческин отец.

Сказал что-то иноземец, перевел переводчик Ивашке:

— Выкупил тебя из неволи купец, теперь, куда хочешь, ехать можешь. А желаешь — поезжай с ним сейчас в Венецию, а оттуда поедете в Москву Франческо искать.

Обрадовался Ивашка, вскочил, от великой радости слова не может молвить.

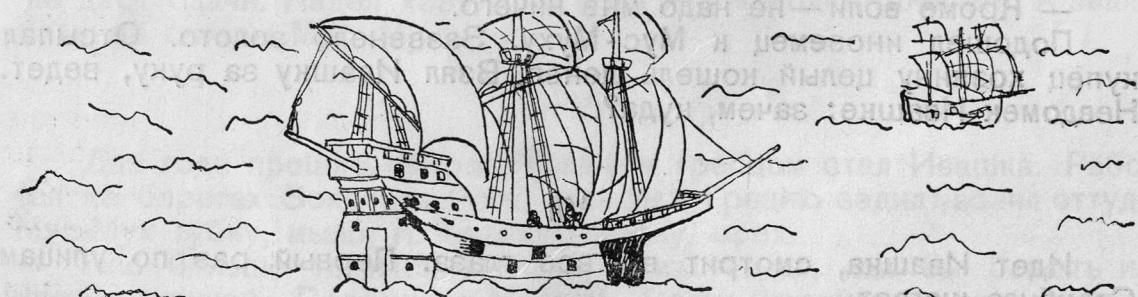
Вышли они из кофейни. Пришли к Золотому Рогу. Стоят у берега под цветными парусами пять венецийских галер.

Взошел на одну с Ивашкой купец. Убрали матросы сходни. Мерно взмахнули веслами. Поплыл берег назад.

— Воля! — закричал Ивашка. — Взаправду ведь воля!..

Развернулись, понесли Ивашку на волку цветные яркие паруса.

Г. Шторм.



ЭМУ



— Если начнете, то бросить уже нельзя. Месяца три, день и ночь смотреть, все замечать, взвешивать, записывать... Хватит ли терпенья, не скучно ли будет, а?

— Ничуть не скучно. Не беспокойтесь, Петр Александрович, сделаем!

— Очень даже интересно, Петр Александрович. Австралийских страусят в Москве вывести... Нет, уж вы нам позвольте!

— Ну ладно. Вот вам пара страусов. Начнете с того, что Степку взвесите сегодня же, Дуньку взвешивать не нужно. Смотрите, чтобы она яиц, дура, не перебила, как нестись начнет.

Старик, посмеиваясь, ушел, а два подростка¹ взялись за дело.

Не так-то просто поймать и осторожно связать глупую, пугливую, сердитую птицу выше себя ростом. Эму много меньше африканского страуса, но все-таки порядочная дылда. Степке накрыли голову плотным сачком, и тогда он покорно дал опутать тряпицей свои жесткие лапы. Оказалось, что весит он 46 кило. Освобожденный, он бегал крича, и странный голос его звучал то хриплым свистом, то как хрюканье. Дунька спокойно прохаживалась тут же и, надувая шею, громко бубнила, точно по пустой бочке палкой стучала.

Темно-зеленое, почти синее яйцо она снесла прямо на пол и, встав, продолжала шагать, не обращая на яйцо никакого внимания. Яйцо подобрали и взвесили: 593 грамма.

— Тяжелее десятка куриных, — заметил один Сережа.

— Это, если они крупные, — поправил другой Сережа. — Мелких штук двенадцать-тринадцать на него пойдет.

Днем оба Сережи сторожили своих страусов вместе, ночью спали поочередно часа по два, по три. Когда яиц набралось с десятков, их

¹ Сергей Гуляев и Сергей Фолитарек из кружка юных биологов провели работу по выводу эму в Московском зоопарке под руководством П. А. Мантейфеля.

поставили каждое на носок в ящик с опилками, а в угол клетки положили подкладки — такие же зеленые огромные яйца, налитые воском. На них, вытянув ноги, протянув по полу шею, уселся Степка и принялся высиживать. Иногда он, не вставая, вертелся живо-живо.

— Это он яйца переворачивает, — объяснял Петр Александрович, — а Дунька скоро его бить начнет, тогда отсадите ее за перегородку.

Сережам работы много. Яйца разного веса, каждое надо отметить, записать, когда оно снесено. А сколько беспокойства.

— Степка уже шестьдесят пятый день ничего не ест, не пьет. Как бы не околел?

— Ничего, так ему полагается. Давно ли он на настоящих-то сидит?

— Сорок девятые сутки.

— Каждую минуту теперь надо ждать страусят. Как только услышите что особенное, за мной бегите.

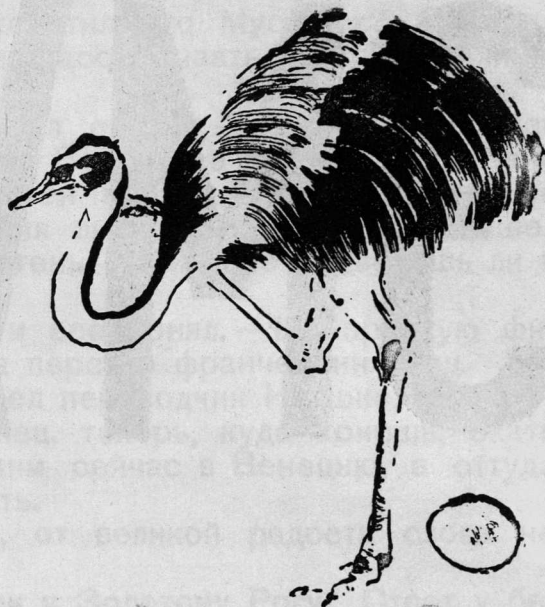
Ночью в степкином углу слышалась возня. Дежурный Сережа подошел, посмотрел: все в порядке, страус сидит плотно-плотно. Сережа заглянул под него. Зеленые яйца лежат попрежнему, но слышно, как в них что-то пытит, ворошится, пищит.

— Эй, Сережа, — кричал мальчик спящему другу, — страусята сейчас вылупятся, беги скорей!

Они вылупились однако утром, с треском разламывая прочную скорлупу лапами, шестеро, полосатые, величиною с голубя.

— Двое слабы, — сказал Петр Александрович, беря нож, — сами не выйдут, им помочь нужно.

И он разрезал два яйца. Страусята из них выскочили, трясясь на лапах, полосатые, пуховые, такие же, как и те





шестеро, только помельче. Степка, подобравший первых под себя, не очень охотно принял новых.

— Пропадут эти двое, — сказал Петр Александрович, — не будет он их греть как следует, дурак. Они захиреют. Осторожней с ним, когда будете его взвешивать, он теперь драться будет, искалечить может.

За корм Степка принялся через неделю после вывода молодых. В течение 75 суток добровольного поста он потерял 7 кило, но на вид не похудел.

Три яйца оказались болтунами — из них ничего не вывелось.

Шестеро страусят благополучно продолжали существование.

Работа юных биологов с вычислениями, измерениями, со всеми таблицами напечатана в ученом журнале.



Лесник.

САМ

Наши Ваньки, наши Маньки

Никогда не знали няньки:

Сам — встать!

Сам — спать!

Сам — кровать убрать!

Всё —

сам!

Всё —

по часам!

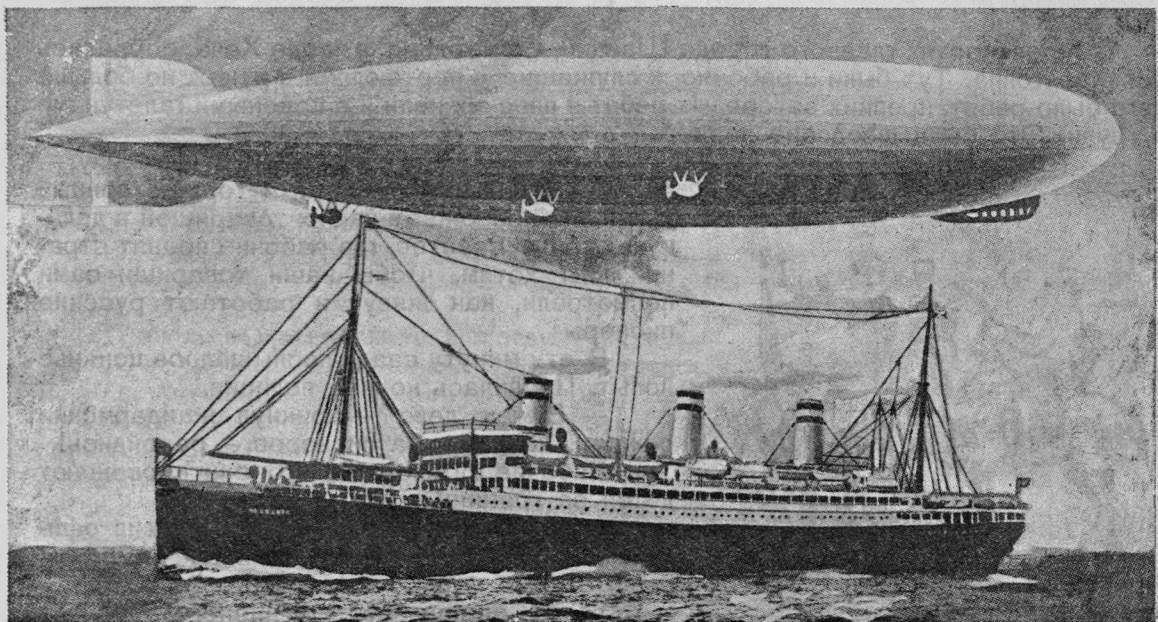
К. Высоковский.



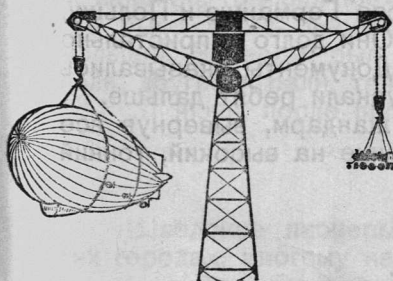
В УГОЛКЕ ПРИРОДЫ

Рис Л. Гольденберга.

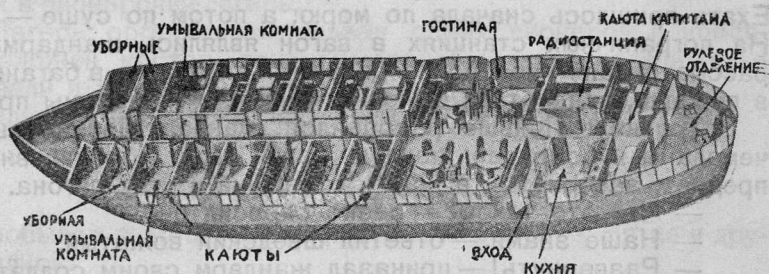
ЦЕППЕЛИН 127-й



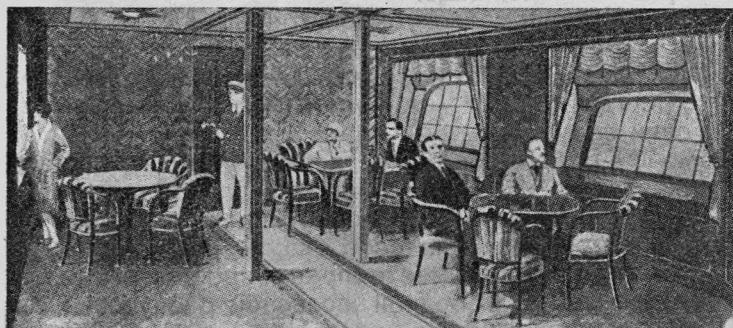
В Германии только что выстроен воздушный корабль „Цеппелин 127-й“. Таких больших воздушных кораблей еще не бывало. Длина цеппелина — четверть километра. Цеппелин длиннее самого большого океанского парохода.



Он весит столько же, сколько большой паровоз.



В гондле — 10 кают, гостиная, кухня, радиостанция.



Вот такая на цеппелине гостиная!

На этом корабле в будущем году полетит на полюс знаменитый путешественник Фритьоф Нансен. Конечно, перед полетом из дирижабля будет убрано все лишнее. В гостиной и каютах будут сложены запасы, необходимые для полярного перелета.

М. Ильин

ПИОНЕРЫ ШВЕДСКИЕ И

1

В окрестностях главного города Швеции, Стокгольма, в парке Хача, собралась тысячная толпа. Тут были и рабочие, и служащие с портфелями в руках, но больше всего было ребят, крепких загорелых ребят в плоских кепи и с красными галстуками на груди. Это были шведские пионеры.

— Товарищи пионеры, — сказал человек, вскочив на железную скамейку, —

сегодня для нас радостный и торжественный день. Мы провожаем наших товарищей в далекую страну советов, где рабочие правят страной. Мы хотим, чтобы наши товарищи сами посмотрели, как живут и работают русские пионеры...

В эту минуту сзади послышалось цоканье копыт. Появилась конная полиция.

— В чем дело? — крикнул жандармский офицер, наезжая на пионеров, — разойдись!

Рабочие объяснили, что они провожают детей за границу.

— Это меня не касается, — заявил офицер, — извольте разойтись, иначе я приму решительные меры.

Толпа разошлась, но пионеры все же поехали.



2

К шведским пионерам присоединились норвежская и датская делегации. Ехать пришлось сначала по морю, а потом по суше — через Германию и Польшу. На пограничных станциях в вагон являлись жандармы. Они долго и пристально рассматривали пионерские документы и рылись в багаже. Документы оказывались в порядке, придаться было не к чему, и жандармы пропускали ребят дальше.

Только в Польше разразился скандал. Длинноусый жандарм, вывернув все чемоданы и осмотрев каждую вещь, вдруг обратил внимание на высокий, тонкий предмет, завернутый в холст, стоявший в углу вагона.

— Что это такое? — резко спросил он.

— Наше знамя, — ответил шведский вожатый.

— Развернуть! — приказал жандарм своим солдатам.

Солдаты бросились к знамени, сорвали хол, и перед грозным полицейским блеснуло красное полотнище.

Жандармские усы ошетились.

— Что тут написано?

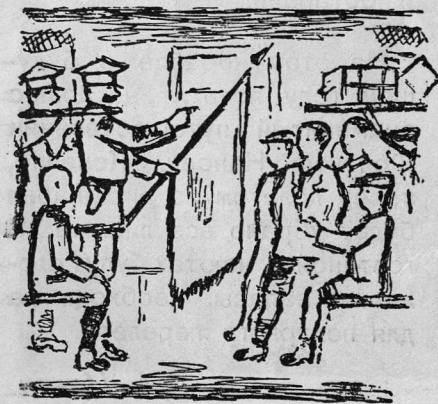
— „За дело рабочего класса будь готов!“ — „Всегда готов!“ — прочитал переводчик пионерский лозунг.

— Ваше знамя останется у нас, — сказал жандарм, — иначе я вас не пропущу через границу.

— Но почему? — возмутилась делегация, — мы имеем право на свое знамя.

— Вы не имеете права провозить такие вещи по благородной польской республике, — гордо заявил жандарм.

Пионерское знамя осталось у жандармов.



ПИОНЕРЫ СОВЕТСКИЕ

3

И вот, наконец, Москва! Московские пионеры встретили делегацию на вокзале. Встреча была радостная и торжественная, стройные ряды пионеров проходили мимо, улыбаясь своим иностранным друзьям.

В Москве шведские пионеры осмотрели много заводов, школ, больниц и других учреждений. Они побывали в пионерских клубах, мастерских, спорт-площадках, лагерях. Повсюду кипела неутомимая работа.

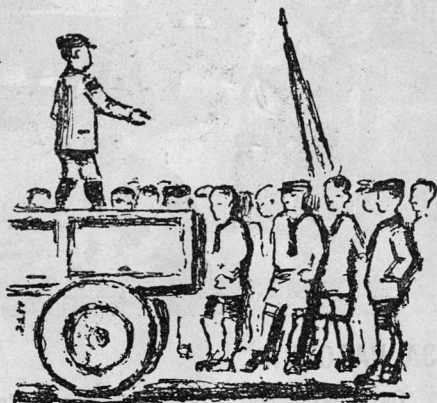
В Советской России делегация разбилась на две группы, чтобы объехать ряд городов. Вот что писали шведские пионеры своим товарищам о посещении города Вологды:

„7 июля мы приехали в Вологду. Когда мы вышли из вагона на станцию, то увидели целое море встречающих нас пионеров. Сигурд держал речь с грузового автомобиля. Когда речь была переведена, мы получили от пионеров железнодорожных мастерских подарок — мы никогда не могли и подумать — это было знамя, знамя с золотыми кистями и каймой! Оно было гораздо красивее нашего старого знамени, которое осталось у жандармов в Польше.

„8 июля мы пошли на пионерское собрание, на котором пионеры постановили собрать деньги на наш журнал „Молодой товарищ“.

„9 июля мы посетили курсы для вожатых, детский диспансер с оздоровительной площадкой и, наконец, 10 июля поехали в пионерский лагерь, где было очень весело. Лагерь организован силами самих пионеров и комсомольцев. Вечером был разложен костер, вокруг которого мы все сидели: одни пели, другие играли, танцевали и декламировали.

„11 июля, после прощального праздника, мы покинули Вологду“.



4

Шведские пионеры, побывав в Москве, Вологде, Архангельске, Вятке и других городах, многому научились.

— Когда мы вернемся домой, — сказали шведские пионеры архангельским ребятам, — мы расскажем товарищам о работе в ваших пионерских отрядах, с тем, чтобы построить так и наши отряды.

Н. З.



НАШ СБОР



ЗА РАБОТОЙ

Октябрята при 1 доме пионеров Красно-Пресненского района.



ВЫПУСКАЮТ ГАЗЕТУ

Октябрята при клубе Центросоюза.

Осень.

На площадках лужи, а в лужах листья плавают. Летом, когда дождь идет, надеешься, что завтра будет солнце. Сейчас надеяться не на что. Еще с месяц будет мокро и грязно.

Прощайте площадки до зимы, до морозов.

Сейчас вся работа перешла в клуб. Вот что нам рассказали в одной группе: „Мы сделали пресс и засушили много цветов и листьев. Теперь гербарии делаем. У нас есть редкие листья. Один из наших ребят ездил с отцом в Дом отдыха в Сухум и привез оттуда такие листья и цветы, каких у нас не достать. Например: листики с чайного куста. Это в роде листиков сирени, только чаем пахнут“.

А в другой группе за лето собрали коллекцию камешков. У них есть камни почти всех пород,

что встречаются под Москвой.

А октябренек Валя Чупрынников рассказывает: „Наша группа поймала за лето тридцать девять бабочек и девятнадцать жуков.

„Сейчас наши столяры сделали ящики. Мы достали торфу и выклеили дно ящиков, чтобы было куда вкалывать булавки с насекомыми. Сейчас мы вместе с руководом разбираем, какие из них вредны, а какие приносят пользу человеку.

„В нашей коллекции самое вредное насекомое — короед. Он может целое дерево загубить“.

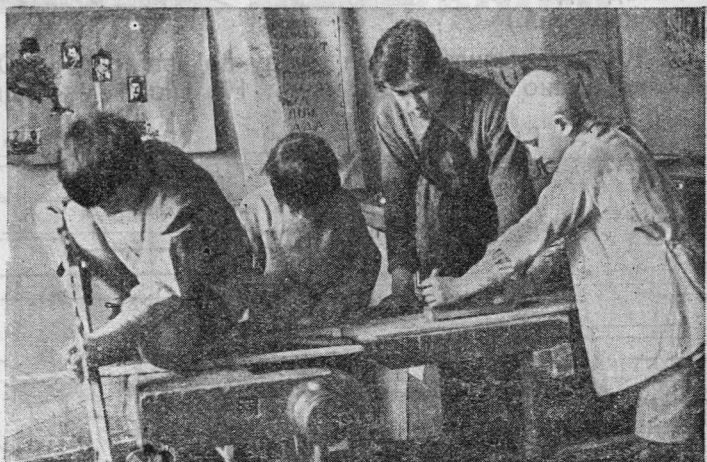
Другие группы прислали нам только несколько снимков. Но по этим снимкам ясно видно, над чем ребята сейчас работают.

ПИШИТЕ НАМ, ПОМОГАЮТ ЛИ ВАМ ПИОНЕРЫ И УЧИТЕЛЯ РАБОТАТЬ В ГРУППЕ? НАЧАЛА ЛИ ВАША ГРУППА РАБОТАТЬ? КАКИЕ У ВАС КРУЖКИ? КАК ВЫ ДУМАЕТЕ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ПРАЗДНОВАНИЮ ОКТЯБРЯ? ЕСЛИ МОЖЕТЕ ДОСТАТЬ ФОТОГРАФИИ, — ШЛИТЕ ИХ НАМ.



ЛЕПКА

Октябрята при клубе Центросоюза.



ДЕЛАЮТ ЯЩИКИ

Октябрята при клубе Центросоюза.



СТРОЯТ ИЗБУ

• Центр. дом Хамовнического района.

СДЕЛАЙ АВТОМОБИЛЬ!

МАТЕРИАЛЫ:

Доска толщ. 2,5 с.,
шир. 12 с., дл. 163 с.
(Для колес, шасси,
кожуха и руля.)

Доска толщ. 3,5 с.,
шир. 14 с., дл. 47 с.
(Для осей и поду-
шек.)

Доска толщ. 2 с.,
шир. 10 с., дл. 256 с.
Железо лист. шир.
43 с., дл. 66 с. (Для
ножуха.)

Гвоздь дл. 10 с.
(Для шкворня.)



Гвоздей мелких
дл. 2,5 с.— 50 шт.

Гвоздей мелких
дл. 8 с.—15 шт.

Кусок крепкой веревки дл. 20 с. (Для устройства руля.)

Инструменты:

Пила

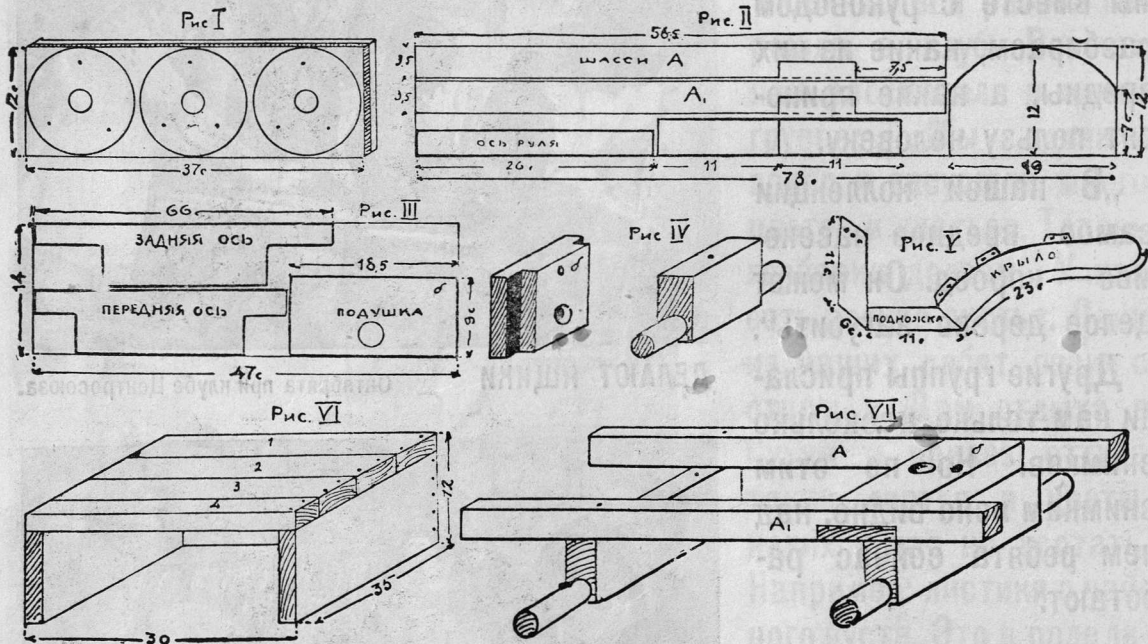
Нож

Рубанок

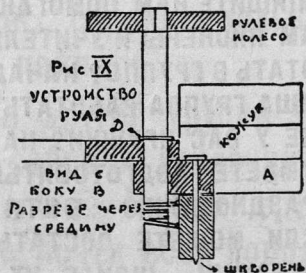
Шило

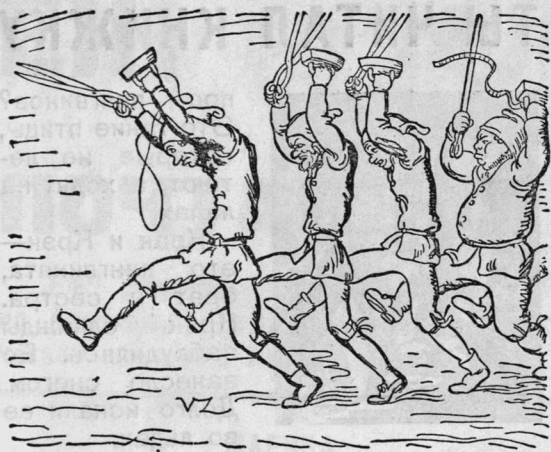
Коловорот с пёр-ками.

Колеса выпиливаются сразу по два (рис. I.) Остальные части заготавливаются, как показано на рис. II и III. На рис. IV — общий вид оси и подушки. Первым



собирается кузов, вторым — шасси (рис. VII), затем кожух. Устройство руля видно из рис. IX. Обмотай веревку вокруг конца оси руля, а концы закрепи наглухо. Ось удерживается шкворнем Д.





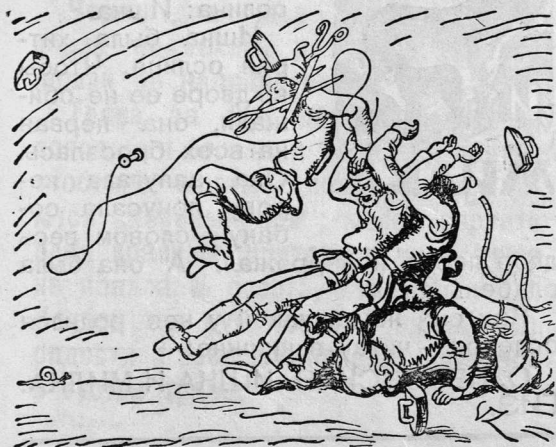
ХРАБРЕЦЫ

Наши-то портные,
Храбрые какие!
Не боимся мы зверей,
Ни волков, ни медведей!

А как вышли за калитку
Да увидели улитку —
Испугались,
Разбежались.

Вот они какие,
Храбрые портные!

К. Чуковский.

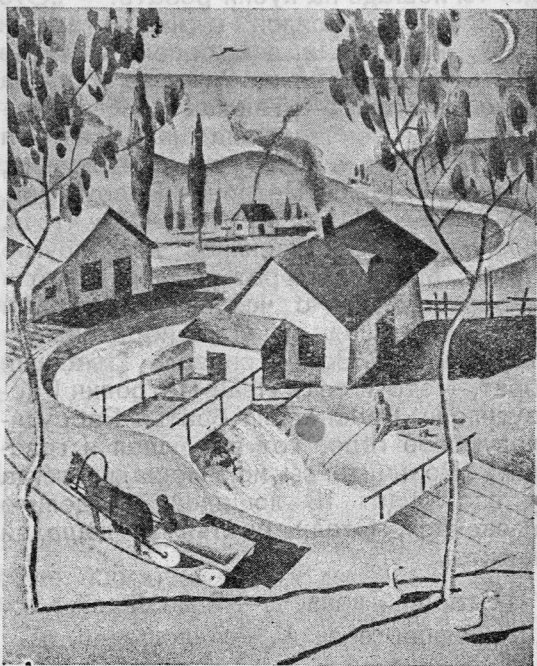


ЗАГАДКА

Побегунчик побежит,
Покатунчик покатит,
А за ним стук и гром,
А над ним дым столбом.

О. Бич.

РАССЕЯННЫЙ ХУДОЖНИК



Когда художник рисовал эту картину, в соседней комнате ребята играли в войну, а наверху кололи дрова. Из-за шума художник сделал очень много ошибок. Где это видно, например, чтобы переднее колесо на телеге было больше заднего?

На одну ошибку мы вам указали. Вглядитесь в рисунок и напишите нам, какие еще ошибки вы заметили.

17 ЛОШАДЕЙ

У нас в деревне умер один человек и оставил своим сыновьям такое завещание.

Старшему сыну оставляю $\frac{1}{2}$ своего наследства, среднему сыну оставляю $\frac{1}{3}$ своего наследства, а младшему сыну оставляю $\frac{1}{9}$ своего наследства.

Когда этот человек умер, то после его смерти осталось всего только 17 лошадей и больше ничего. Стали сыновья 17 лошадей между собой делить.

„Я,—сказал старший,—беру $\frac{1}{2}$ всех лошадей. Значит $17:2$ это будет $8\frac{1}{2}$ “.— „Как же ты $8\frac{1}{2}$ лошадей возьмешь?—спросил средний брат.—Не станешь же ты лошадь на куски резать?“— „Это верно,—согласился с ним старший брат,—только и вам своей части не взять. Ведь 17 ни на 2, ни на 3, ни на 9 не делится!“— „Так как же быть?“— „Вот что,—сказал младший брат,—я знаю одного очень умного человека, зовут его Иван Петрович Рассудилов, он-то нам сумеет помочь“.— „Ну что ж, зови его“,—согласились два другие брата. Младший брат ушел куда-то и скоро вернулся с человеком, который ехал на лошади и курил коротенькую трубочку. „Вот,—сказал младший брат,—это и есть Иван Петрович Рассудилов“. Рассказали братья Рассудилову свое горе. Тот выслушал и говорит: „Возьмите вы мою лошадь, тогда у вас будет 18 лошадей, и делите спокойно“. Стали братья 18 лошадей делить.

Старший взял $\frac{1}{2}$ —9 лошадей, средний взял $\frac{1}{3}$ —6 лошадей, а младший взял $\frac{1}{9}$ —2 лошади.

Сложили братья своих лошадей вместе. $9+6+2$, получилось 17 лошадей. А Иван Петрович сел на свою 18-ю лошадь и закурил свою трубочку.

„Ну что, довольны?“—спросил он удивленных братьев и уехал.

Д. Хармс.

ТЫ ЧИТАЛ КНИЖКУ



про пингвинов? Это такие птицы, которые не летают, а ходят на лапах.

Крак и Крэк—это пингвинята, брат и сестра. Крэк однажды заблудилась. Ее занесло снегом. Долго искали ее во льдах.

Как ее разыскивали, и кто ее спас, узнаешь из очень интересной сказки:

К. НОРДЕН. КРАК И КРЭК. ГИЗ.



Почтальон принес письмо одному человеку. А человек уехал в Берлин. Письмо прилетело в Берлин, а человек уехал в Лондон. Письмо в Лондон, а он в Бразилию. Как они ездили по всему

свету и где письмо догнало, наконец, путешественника—рассказано в веселой книжке:

С. МАРШАК. ПОЧТА. ГИЗ.



Три девочки накопили денег и купили себе ослика. Звали ослика: Ишка.

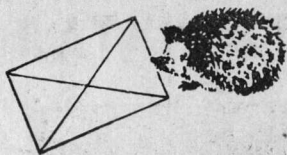
Ишка была хитрая ослица. Чтобы во дворе ее не обижали, она первая на всех бросалась. Она запугала корову, покусала собаку—словом, весь

двор перед ней дрожал. А она была слабенькая.

Как она жила, какой у нее родился осленок—читай в книжке:

О. ПЕРОВСКАЯ. ИШКА И МИЛКА. ГИЗ.

ЁЖ



ПОЧТАЛЬОН

„Ёж“ доставляет школьные письма по адресам, а самые интересные печатает для всех. Пишите!

МАЕВКА.

В воскресенье мой папа на работу не пошел и сказал, что мы едем на маевку. С собой мы взяли и нашу собаку Ковбоя. Вскоре мы приехали к реке. Ковбой радостно бежал впереди нас.

Наша река называется Березина. На берегу реки уже дожидались папины товарищи, с которыми он вместе работает. Я бегала по берегу реки и гонялась за Ковбоем, который от радости прыгал в реку, плавал и гонялся за ласточками.

Вскоре собрались все, и мы сели в большую моторную лодку и поехали. Ехать было очень хорошо: я стояла у борта лодки на носу и смотрела на волны. Мы ехали долго мимо полей, лесов и деревень; навстречу нам попадались плоты, баржи и один большой пароход.

Через два часа быстрой езды лодка подъехала к лугу, и мы все пошли по направлению к лесу.

Трава на лугу доходила мне до пояса, и я бегала и собирала цветы, особенно желтые, которые называются „львиный зев“; желая сорвать один красный цветок, я чуть даже не попала в болото, замочила ноги. Ковбой на лугу совсем ошалел от радости и забегал вперед, скрываясь в густой траве.

Наконец, мы вошли в лес. Лес этот сосновый, и мы расположились под сосной, чтобы отдохнуть и покушать. Папа с товарищем разложили костер из сухих сосновых веток, которые горели ярким огнем с треском, и все стали прыгать через огонь.

На опушке леса рос орешник, и мы там рвали орехи, которые оказались еще не совсем спелыми. Все разбрелись по лесу, а некоторые пошли обратно к реке купаться и кататься на обыкновенной лодке, которая была привязана к моторной.

Незаметно прошло время, и мы стали собираться в обратный путь. Обратно мы приехали скорее, так как мыплыли вниз по течению, и через час мы были в городе.

Наган.

ПРОГУЛКА В РОЩУ.

Мы собрались на бульваре, нам предстояла экскурсия в рощу. В девять часов подъехал трамвай, и мы шумной толпой бросились занимать места, трамвай тронулся, и мы поехали по Красной улице. Мы оживленно разговаривали и смеялись. Мимо нас мелькали дома и люди. Наконец, мы подъехали к бойне, слезли с трамвая и пошли к роще. Когда мы пришли в рощу, то она была в полном цвету и зелени, вдали возвышались сосны и ели, через которые виднелось чистое голубое небо. Мы расположились в сосновом лесу и принялись за завтрак. После завтрака мы стали играть в разные игры. Потом мы стали собирать грибы, листья и насекомых для коллекции. Я все время ходил по роще и собирал грибы. В два часа мы сели в трамвай и разъехались по домам. Я с удовольствием вспоминаю эту экскурсию.

Жорж Бегун III группы.



— Помогите! Караул!
Мальчик яблоки стянул!



— Я прошу без разговора
Отыскать немедля вора!



Ванька с Васькой караулят,
А старушка спит на стуле.



— Что же это? Это что ж?
Вор не вор, а просто еж!



— До чего дошли ежи!
Стой! Хватай! Лови! Держи!



...Еж решился на грабеж,
Чтоб купить последний „Еж“!